

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава тридцать вторая

Встречи с призраками

Запах шоколада, папиросы «Неман»

В Бжег, где мне пришлось служить в авиационном полку, я снова приехал летом 1993-го из чешского городка Миловице, где снимался фильм о Чонкине. Пока наши войска не покинули Чехословакию, там жили сто тысяч военных, членов их семей и кормившихся при армии вольнонаемных. Когда они покинули эти места, Миловице превратился в город-призрак. Безлюдные улицы, опустевшие танковые ангары, армейский клуб, вывеска на строении «...ольствен... агазин» и сотни одинаковых «хрущобок», безжизненных, как после атомной войны, с окнами нижних этажей, заклеенными — зачем? — газетами «Красная звезда», «Правда», «Известия». Осматривая этот город-призрак, я вспомнил армейскую службу, сел за руль и через четыре часа въехал в Бжег, покинутый мною сорок лет назад.

Добравшись до центра, я вылез из машины. Стоял, вертел головой, но ничего не мог вспомнить, пока не подошло от шоколадной фабрики. И тогда город стал проступать, как фотокарточка в проявителе, и проявленное один к одному совпало с реальностью. Тут же нашлись и были узнаны дома, которые раньше служили казармами, а теперь заселены обывателями (обыватель — по-польски гражданин), и наша солдатская столовая, и дорога в столовую, и булыжная мостовая в столовую. Дорога шла мимо озера, где, убегая в самоволку, в негустых зарослях ивняка встречался я с девушкой по имени Элька Гемба. Мы виделись только днем, потому что вечером мое отсутствие в казарме было бы замечено.

Наше знакомство произошло благодаря папиросам «Неман», которые я получал по пачке в день. Она подошла, попросила закурить, потом подошла еще. Так просто начался и так продолжился наш роман. Мне было двадцать, ей двадцать пять. Я не уверен, что она знала, как меня зовут. Она звала меня просто «мальчик». Элька меня учила польскому языку, всяким словам, приличным и неприличным, учила целоваться, но когда я слишком распускал руки, она их прикладывала к своей груди, целовала пальцы и тихо шептала: «Мальчик, я тебя люблю», я же дам. Але не teraz (но не сейчас). Але дам».

Мы купались и опять прятались в кустах, а потом расходились поврозь, потому что общение с ней грозило мне наказанием «за связь с местным населением», и у нее тоже могли быть неприятности, и немалые, потому что польская женщина, связавшаяся с русским солдатом, есть курва, достойная всяческого презрения. В день последнего свидания я расхрабрился, проявил большую настойчивость, и она уже почти совсем поддалась, но в последнее мгновение опомнилась, оттолкнула меня от себя и твердо сказала: «Не, так не бенде (не будет)». Я обиделся и отодвинулся. Она поцеловала меня и сказала на ухо, словно кто-то мог подслушать: «Я тебя люблю, мальчик, я тебя люблю». Я продолжал сопеть обиженно и услышал те же слова в новой редакции: «Я тебе дам. Але не teraz. Але не тутай (не здесь)».

— Когда? Где? — спросил я сердито.

— Утром (завтра), — сказала она просто. — Утром вечером. Пшидеешь до меня, Школьна, чернаштя (четыренадцать). — И стала объяснять, что хочет, чтобы все было красиво, с вином и свечами...

— Я на тебе женюсь, — вдруг пообещал я, хотя никто меня за язык не тянул. Я не врал, чувствуя, что вправду хочу прийти к ней, и навсегда.

— Глупый, глупый, — сказала Элька. По-польски «гл» почти не слышится, и слово звучит как «гупый». — Гупый, то ты не волюно (нелзя).

— Можно, — сказал я с вызовом не слышавшим его высшим силам. — Можно. Мы пойдем в ваш ЗАГС, запишемся и никого не спросим.

— То ты не волюно, — повторила она. — Ты ниц (ничего) не волюно, але я ти дам. Утром вечером, Школьна, чернаштя. Запаментал (запомнил)? Школьна, чернаштя...

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

Город, покинутый мною сорок лет назад, стал проступать, как фотокарточка в проявителе, и проявленное один к одному совпало с реальностью. Тут же нашлись и были узнаны дома, которые раньше служили казармами, а теперь заселены обывателями, и наша солдатская столовая, и дорога в столовую, и булыжная мостовая в столовую. Дорога шла мимо озера, где, убегая в самоволку, в негустых зарослях ивняка встречался я с девушкой по имени Элька Гемба...

«Мальчик, втекай!»

В тот день под влиянием не осознанных нами ощущений мы расслабились и пошли по городу вместе. Никогда этого не делали раньше. А тут... Она взяла меня под руку, и мы шли, как будто так и полагалось. Я совсем забыл, что идти по улице под руку с польской девушкой — это преступление, близкое к чему-то вроде измены родине.

Я не сразу заметил группу военных на другой стороне улицы. Это были офицеры чужой, танковой, части, всегда с авиаторами враждовавшей, и с ними один солдат.

Он приблизился ленивой рысцой и, никак ко мне не обращаясь, сказал:

— Старший лейтенант Куроедов приказал тебе подойти.

В другое время я, конечно, подошел бы. Но тут со мной была любимая девушка, и я, слегка только повернув голову к гонцу, сказал:

— Если старшему лейтенанту нужно, скажи, пусть сам подойдет.

Гонец порыскал назад, к офицерам, доложил, и я увидел, что от их группы отделился и направляется к нам старший лейтенант.

— Мальчик, втекай (беги)! — прошептала Элька и вырвала руку у меня из-под мышки.

— Зачем же? — спросил я беспечно.

Офицер прибавил шаг.

— Мальчик! — зашептала она громко. — Мальчик, я тебе прошу, втекай и запаментай: Школьна, чернаштя...

Наконец я понял, что она права, и побежал, хотя было стыдно перед ней. Оторваться от лейтенанта Куроедова было нетрудно. Трудней было уйти от реальности.

В рассказе «Запах шоколада» об армейской любви у меня другой финал, вымышленный. Кто захочет — прочтет. А реальный финал был такой. Куроедов явился в нашу часть, поднял скандал, требовал, чтобы всех построили, искал солдата с парашютным значком. Но меня среди построенных не нашел, потому что значок я открутил, а без значка он меня опознать не смог. И хотя мои командиры знали, что со значком ходил именно я, они меня представителю враждебного рода войск не выдали...

На этом наш с Элькой роман закончился. Она почему-то стала меня избегать. Когда я однажды у дома № 14 по Школьной улице ее подстерег, она стала лепетать, что нам пока лучше не встречаться, когда-нибудь она объяснит почему. Но до объяснения дело не дошло.

Учиться на вертолетчика

С полковником Барыбиным на всех полетах мы сидели вдвоем за одним столом, но я никогда не был уверен, что он знает, кто я такой. Он по многу раз ко мне поворачивался, смотрел на карту, я ему показывал, где какие самолеты куда летят, но он ни разу не поинтересовался, кто я, каких родителей сын, чем занимался до армии. Также не интересовались мной его заместители, которые вместо него руководили полетами. Но однажды я все-таки понял, что Барыбин может меня узнать и помнить мою фамилию.

Мы тогда с Ризиним отправились в самоволку, и вдруг на какой-то улице вылетел из-за угла открытый «виллис», а в нем справа от шофера Барыбин. Он неслся на большой скорости и сначала нас проскочил, потом задним ходом вернулся к нам.

— Войнович! — закричал он. — Это вы куда идете? Водку жрать?

— Да что вы, товарищ полковник! — сказал я.

— Какая водка? У нас и денег на водку нет.

— Свиныя грязи найдут. Садитесь в машину!

Мы сели на заднее сиденье и немедленно были доставлены в часть. Барыбин нас высадил и опять уехал. Мы думали, что за самоволку нас накажут, но этого не случилось. На другое утро снова были полеты, я снова сидел рядом с Барыбиным, он о вчерашнем не вспоминал, я тем более. Через несколько дней меня вызвали к нему в штаб. Я удивился и решил, что, наверное, он решил меня как-то все-таки наказать. Я пришел, начал докладывать:

— Товарищ полковник, рядовой Войнович по вашему приказанию...

— Садись! — перебил меня он. — Ты, оказывается, летчик?

— В каком смысле? — спросил я настороженно.

— В прямом. Ты в аэроклубе учился? Летать хочешь? Ну, что ж, оформляй документы, поедешь в Россию учиться на вертолетчика...

От поцелуев дочери не рождаются

Но я не досказал историю своей поездки в Бжег, сорок лет спустя.

Я приехал туда в середине дня, сам ничего бы не нашел, но помог местный русский человек, женатый на польке. Он стал моим провожатым на кладбище, где был похоронен мой друг Валя Чуприн, и я спросил, не знает ли он, случайно, женщину по имени Элька Гемба. Выяснилось, что знает и готов меня проводить к ней, предупредив:

— Но она старушка. Ей лет шестьдесят пять.

Я согласился, что так примерно и должно быть.

Подъехали к какому-то дому. Провожатый постучался в дверь на первом этаже, дверь отворилась. Пожилая женщина стояла на пороге и смотрела то на меня, то на провожатого, вытирая мокрые руки о фартук.

— Ну вот, — сказал провожатый, раскинув руки, одну — в сторону хозяйки, другую — в мою сторону, как бы собираясь нас соединить. — Ну вот...

Я спросил женщину, не зовут ли ее Элька. Она закивала головой:

— Так, так, естем Элька.

— А фамилия Гемба?

Она сказала, что не Гемба, а Гембка. Вглядываясь в нее, я спросил, не было ли у пани когда-нибудь русского друга. Она, глядясь в меня, сказала: «Нет, нет, русского не было». Хотя, как мне показалось, ей сейчас было бы приятно, если бы какой-нибудь пожилой иностранец разыскивал ее из лирических побуждений. «Но может быть, ты не помнишь?» — спросил ее провожатый. «Нет, — сказала она с явным сожалением о несостоявшемся прошлом. — Если бы такое было, я бы запомнила...»

Я все же поинтересовался, не жила ли пани когда-нибудь на улице Школьной в доме № 14. Пани покачала головой. И вдруг спохватилась: «Я знаю, о ком вы говорите! Она жила на Школьной, но потом переехала на Костюшко, у нее дочери лет сорок. Правильно, Элька Гемба... Але она юж не жие (но ее уже нет в живых)».

Я не очень удивился. Сорок лет — срок нешуточный.

Я сказал: «Извините, пани». Пани сказала: «Ну, что вы, что вы».

Провожатый вышел со мной на улицу и предложил поехать к Элькиной дочери. Я не захотел. Он спросил:

— Почему ты не хочешь ее увидеть? Может быть, она твоя дочь?

— Нет, — сказал я. — Она не может быть моей дочерью.

— Почему?

— Потому что от поцелуев дочери не рождаются.

Я ехал назад в Чехию и думал, что если бы сорок лет назад нас с Элькой судьба не разъединила, то...

На этой мысли я заглох, а подумав ее, сказал сам себе, что, скорее всего, ничего бы хорошего не было. Потому что физического влечения для любви на всю жизнь все-таки недостаточно.

Продолжение следует

21

№183
(1821)

07
октября
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Войнович Барыбин 07.10.05